

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

О Л Ь Г А Д А Ш К О В А

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ

ДОЧЬ

Ольга Дашкова

Генеральская дочь

<https://litres.ru/74548812>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я не верю в случайности.

Долгие годы службы, осколок в боку и ни одной ошибки, которую я не мог бы объяснить.

До нее.

Она налетела на меня в штабном коридоре с тортом и коротким платьем и с первой секунды стала спорить.

Дочь генерала Смоленского, 22 года, категорически не моя история.

Я взялся за ее охрану, делал все правильно.

Держал дистанцию. Соблюдал протокол.

А потом она посмотрела на мои шрамы так, как будто за каждым стоит боль, а не просто история ранения.

И что-то внутри меня, молчавшее 12 лет, ответило.

Я до сих пор не знаю, была ли это самая большая ошибка в моей жизни?

Или единственное правильное решение?

4 книга серии "ОФИЦЕРЫ"

Содержание

Глава	4
Глава 1 Александра	5
Глава 2 Измайлов	12
Глава 3 Александра	18
Глава 4 Измайлов	24
Глава 5 Александра	30
Глава 6 Измайлов	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Дашкова

Генеральская дочь

Глава

Иногда самый опасный человек в комнате — не тот, о ком вы думаете.

Глава 1 Александра

Отец снова опаздывал.

Это не было новостью. Глеб Александрович Смоленский опаздывал на все, кроме построений и военных советов.

На мои дни рождения, на выпускной, на мамины похороны он пришел за пятнадцать минут до конца. Форс-мажор, государственная необходимость, извини, Сашенька.

Я давно перестала обижаться. Просто приняла как данность: генерал Смоленский принадлежал армии значительно больше, чем собственной дочери.

Сегодня я приехала сама с едой из его любимого ресторана и тортом, потому что ему исполнялось шестьдесят два года, и потому что праздновать в одиночестве – это уже слишком даже для него.

Половина девятого вечера. Дежурный на входе меня знал, кивнул, пропустил. Коридор был почти пустым, лишь несколько человек в форме, быстрые шаги, приглушенные голоса за закрытыми дверями.

Штаб никогда не засыпал полностью, но к вечеру становился другим: тише, сосредоточеннее, как будто дышал реже.

Каблуки стучали слишком громко для этого места. Я свернула за угол и налетела на кого-то всем телом.

Пакет с едой удержала чудом, в последний момент прижа-

ла к себе, зато сама покачнулась на каблуках и схватилась за первое, что оказалось рядом. Первым оказалась чья-то рука. Крепкая, поймавшая меня за локоть раньше, чем я успела осознать, что падаю.

Подняла взгляд.

Мужчина. Высокий. Настолько, что мне пришлось задрать голову.

Форма, полковничьи погоны, лицо, составленное из прямых линий, без единой мягкой черты. Короткие темные волосы. Старый, давно ставший частью лица шрам на скуле, не уродующий, а скорее завершающий общую картину.

И глаза – серые, тяжелые, смотрящие на меня с выражением, которое я не сразу смогла назвать.

Не удивление. Не интерес. *Оценка*. Быстрая, холодная, как осмотр местности.

– Осторожнее, – сказал мужчина. Голос низкий, ровный.

– Это я должна так говорить. Вы шли посреди коридора.

– Я шел по коридору в штабе, где в это время не должно быть посторонних.

– Я не посторонняя.

– Вы дочь генерала Смоленского, – сказал он. Не вопрос, не комплимент. Факт, зафиксированный и занесенный в нужную графу. – Он на совещании. Освободится не скоро.

– Я подожду.

– В приемной.

Посмотрела на него внимательнее. На погоны, на шрам,

на это каменное лицо с взглядом человека, привыкшего, что его слушаются без объяснений.

– Вы не мой командир.

Что-то в нем чуть изменилось. Но не смягчилось, а просто зафиксировало мое возражение. Как фиксируют неожиданный фактор в расчетах, не меняя плана.

– Дочерям генералов не стоит шлаться по штабу в коротких платьях.

Вот тут я почувствовала, как вспыхивает что-то внутри.

Платье было нормальным. Выше колена, да, но не вызывающим, я ехала к отцу, а не в ночной клуб танцевать до утра с подружками. Открыла рот, чтобы сказать ему об этом и кое-что еще, подобранное прямо сейчас, точное и исчерпывающее.

– Полковник, – чужой деловой голос из-за поворота коридора раздался внезапно.

Мужчина посмотрел туда. Потом обратно на меня. Один взгляд, короткий, в котором не было ничего, кроме холодной констатации, и ушел. Просто развернулся и пошел, не дожидаясь, что я отвечу.

Осталась стоять с пакетом в руках и смотрела ему в спину. Люди не уходят посреди разговора со мной. Люди обычно ждут. Этот – нет.

Чурбан!

Раздражение было понятным и ожидаемым. Непонятным было другое: почему я стояла и смотрела вслед еще секунд

десять после того, как он скрылся за поворотом?

Приемная отца в это время была пустой, помощник Сергей давно ушел, рабочий день закончился. Зашла внутрь, поставила пакет на журнальный столик и села на диван.

За окном темнело. Плац внизу был пустым и тихим. Я думала про шрам на скуле. Зачем я это делала, не понимаю.

Нет, думала даже не про шрам. Про взгляд. Он был насквозь, без малейшей попытки прикрыть оценку. Я умела работать с мужскими взглядами, это не самонадеянность, просто наблюдение, накопленное к двадцати двум годам.

Но этот был другим. Он смотрел на меня, как смотрят на препятствие. Не с интересом, не с раздражением, просто фиксируя факт присутствия и определяя, насколько оно мешает.

Обидно. И почему-то интересно – что тоже было обидно.

Отец вышел из кабинета в четверть десятого. Большой, седой, с усталым лицом, которое потеплело, когда он увидел меня.

– Сашенька, – обнял тяжело и коротко, по-военному, хотя дома так не умел. – Зря приехала, я мог задержаться до ночи.

– С днем рождения, папа.

Он посмотрел на пакет, на торт, и что-то в нем дрогнуло, но ненадолго, незаметно для стороннего, но я знала его достаточно, чтобы увидеть.

– Кто был в коридоре? – спросила, пока мы устраивались

за маленьким столом. – Полковник, высокий, шрам на скуле.

Отец глянул на меня коротко.

– Измайлов. Ярослав Федорович. Мой заместитель по оперативным вопросам.

– Он грубый.

– Он профессионал.

– Это взаимоисключающие понятия?

Папа усмехнулся краем рта, и это тоже редкость для него.

– В его случае – нет.

Мы поужинали хорошо. По-домашнему, негромко, с его любимыми котлетами и тортом, который он ел с удовольствием, давая понять, что давно отвык от праздников.

Я рассказывала про университет, про то, как на отлично закрыла сессию, про подругу Глашу. Он слушал, кивал, один раз по-настоящему засмеялся над историей про препода по гражданскому праву, который путал студентов по именам весь семестр.

Хороший вечер. Один из немногих за последние годы. В половине одиннадцатого зазвонил его телефон. Отец посмотрел на экран, поднялся, посмотрел на меня с виноватым выражением, которое я знала наизусть.

– Папа, все нормально, я такси вызову.

– Поздно уже, – он уже набирал чей-то номер. – Измайлов еще в здании, он отвезет.

– Ой, не надо, правда...

– Александра Глебовна, – голос стал другим – коротким,

не обсуждаемым. – Мне так спокойнее.

Он уже говорил в трубку. Я смотрела на остаток торта и думала, что у этого вечера теперь будет продолжение, которое я не планировала.

Измайлов появился ровно через пять минут и встал в дверях. Та же прямая спина, тот же взгляд. Посмотрел на меня. Я посмотрела на него.

– Готовы? – спросил.

– Была готова полчаса назад, – ответила, встала, взяла сумку.

Он посторонился, пропуская меня. Я прошла мимо, но достаточно близко, потому что дверной проем у отца в кабинете был узковат для его плеч и моего упрямства одновременно.

Почувствовала запах, но не одеколон, что-то проще, чистое, с едва уловимым оттенком табачного дыма.

Лифт вниз. Молчание. Из тех, что занимают все пространство.

На улице был теплый июньский вечер. Темная машина стояла у крыльца, он открыл пассажирскую дверь, не глядя.

Я села. Полковник занял водительское место, завел двигатель.

– Адрес.

Я назвала.

Мы выехали со стоянки в ночной город, я смотрела в окно на огни, и молчание между нами было странным. Не пустым,

не враждебным, а таким, в котором что-то происходило без слов и без разрешения.

Я не знала еще, что именно.

Просто чувствовала: что-то изменится. С этой поездки, с этого молчания, с этого человека рядом, который смотрел на дорогу и ни разу не повернулся в мою сторону, как будто меня не было в машине.

Это злило.

И почему-то не давало отвести взгляд от его прямого, жесткого профиля со шрамом на скуле, который я уже запомнила лучше, чем следовало.

Глава 2 Измайлов

Разговор со Смоленским закончился в восемь.

Вышел из кабинета, прикрыл дверь и остановился в коридоре на несколько секунд – просто постоял, выдохнул, дал голове время переключиться с одной задачи на следующую.

Это была привычка, выработанная еще в первую командировку: между делами всегда есть пауза, даже если она длится пять секунд. Без паузы все сливается в один непрерывный шум, а в шуме делают ошибки.

Пошел по коридору к лестнице. За угол не успел завернуть.

Она налетела откуда-то сбоку. Каблуки, пакет, темные волосы во все стороны. Я поймал ее автоматически, раньше, чем включилось сознание. Рефлекс, ничего больше.

Удержал, отпустил. Посмотрел.

Молодая. Очень молодая. Лет двадцать с небольшим. Платье до середины бедра, волосы распущены, глаза светлые, сердитые уже в первую секунду. Еще не разобравшись, что произошло, уже готовилась к атаке.

Генеральская дочь, узнал сразу, видел фотографию в кабинете у Смоленского.

Александра Глебовна Смоленская.

Сказал ей про приемную, она возразила. Сказал про платье, потому что это была правда и штаб не место для подоб-

ного, отец должен был объяснить, но, судя по всему, не объяснил. Она открыла рот, чтобы ответить, но меня позвал Кириллов из оперативного, и я ушел.

Все. Исчерпывающий эпизод, не требующий дальнейшего осмысления.

Поднялся на четвертый этаж, в свой кабинет, закрыл дверь. За окном темнел пустой ровный плац со столбами освещения через каждые двадцать метров. Достал сигарету, открыл окно.

Боль пришла, когда я закуривал.

Привычная и уже своя, родная. Острая вспышка в правом боку, там, где двенадцать лет назад остался осколок, который не стали вынимать из-за риска.

Сам по себе осколок не мешал, мешали его последствия. Периодические воспаления, в которые я не вмешивался, пока они сами не отступали. Врачи говорили: режим, нагрузки снизить, наблюдаться регулярно.

Я наблюдался от случая к случаю, нагрузки не снижал, режим понимал по-своему.

Затянулся, переждал. Боль откатила, но не ушла, притихла, осела фоновым напряжением под ребром. Нормально. Бывало хуже.

Смоленский сегодня говорил об операции на южном направлении, о сроках, о людях, которых не хватает. Я слушал, предлагал варианты, он слушал в ответ, мы умели работать без лишних слов, это было одним из немногих удобств в мо-

ем нынешнем положении.

Двенадцать лет я знал этого человека. Двенадцать лет назад он вытащил меня из места, из которого я сам выбраться не мог.

Не из плена, не из-под огня. Из собственной головы.

После Ани и Маши я два года существовал в режиме, который трудно назвать жизнью. Функционировал, выполнял, отчитывался.

Смоленский это видел – не сочувствовал, не лез с разговорами, просто давал работу. Все больше работы, все сложнее, туда, где некогда думать ни о чем кроме задачи. Это работало. Постепенно, медленно, без гарантий, но работало.

Я был ему обязан больше, чем мог отдать. Поэтому, когда в половине одиннадцатого он позвонил и попросил отвезти дочь домой, я сказал: «Хорошо».

Не потому что хотел. Потому что Смоленскому я не отказывал.

Она ждала в кабинете, уже собранная, с сумкой, с таким выражением лица, которое говорило все про ее отношение к этой затее. Я ее понимал: быть отправленной домой с отцовским заместителем в двадцать с небольшим лет – это не то, чего хочется. Я бы тоже не хотел.

– Готовы? – спросил.

– Была готова полчаса назад.

Дерзость. Не злобная, просто укоренившаяся, из тех, что появляются у людей, которым слишком часто давали то, что

они хотели.

Пропустил ее в дверях, мы спустились в лифте молча, открыл машину, она села. Назвала адрес, я знал этот район, хороший, тихий, в пятнадцати минутах езды.

Поехал. Девушка молчала примерно две минуты.

– Вы давно знаете моего отца?

– Достаточно.

– Это не ответ.

– Двенадцать лет.

– И все это время такой же разговорчивый?

Я не ответил. Смотрел на дорогу, переключил передачу, обошел грузовик.

Она была из тех, кто не умеет молчать в присутствии чужого человека, заполняла паузы словами, как заполняют пустое место, чтобы оно не давило.

Молодая привычка. Пройдет.

– Вы всегда такой? – спросила через минуту.

– Какой?

– Как будто рядом никого нет.

Подумал, что это довольно точное наблюдение для человека, которого я видел двадцать минут суммарно.

– Рядом есть, – сказал. – Просто не всегда нужно это комментировать.

Она что-то сказала еще, я не запомнил что, потому что боль в боку качнулась снова, резче, чем обычно, и я несколько секунд занимался только тем, что держал лицо и дыхание

ровными.

Переключил передачу, выровнял машину, дал боли откатиться. Отступила.

Справа мелькнул ее профиль в свете уличных фонарей, девушка смотрела в окно на огни и молчала... наконец. Волосы распущены, прямая линия носа, чуть опущенный угол губ.

Красивая, объективно. Не в том смысле, который что-то значит, просто факт, доступный наблюдению.

Слишком молодая. Слишком яркая для того места, которое занимает ее отец, и для людей, которые в этом месте работают. Ей бы куда-нибудь, где жизнь легче и люди понятнее.

Не моя мысль. Не мое дело.

Я давно перестал думать о женщинах как о чем-то, требующем внимания. Была Марина – удобно, без обязательств, без лишних разговоров. Она понимала, я понимал, все чисто. Это устраивало.

Женщины в моей жизни занимали строго отведенное место – не больше и не меньше. Так было проще. Так было правильно.

Аня и Маша забрали с собой все, что я мог отдать, и я не возражал, они имели на это право. Что осталось после, я не отдавал никому, потому что отдавать было нечего.

Марина это знала и не претендовала.

Генеральская дочь смотрела в окно и не претендовала тоже, хотя и по другой причине, просто не успела, только по-

знакомились.

– Здесь налево, – сказала вдруг.

Свернул, не отвечая.

Дом был хороший, новый, ухоженный, с консьержем за стеклом. Остановил машину у подъезда.

Она не торопилась выходить. Сидела секунду, смотрела прямо перед собой, потом повернула голову и посмотрела на меня.

Прямо, без кокетства, просто оценивающе – зеркальное отражение того, как смотрел я в коридоре штаба.

– Спасибо, что отвезли.

– Хорошего вечера.

Вышла. Закрыла дверь, не хлопнув, пошла к подъезду. У самых дверей обернулась, всего одно короткое движение, и вошла внутрь.

Посмотрел на закрывшуюся дверь, тронул машину. На светофоре боль в боку напомнила о себе в третий раз за вечер, и я подумал, что надо все-таки позвонить Марине, но не сегодня, завтра, просто чтобы не копилось.

Про генеральскую дочь я не думал. Незачем было.

Глава 3 Александра

Дома первым делом скинула каблуки.

Они стукнули об пол в прихожей, и в квартире сразу стало тише, или это мне казалось, потому что внутри, наоборот, было шумно. Не от мыслей даже, от какого-то остаточного возбуждения, которое я не умела правильно назвать и поэтому злилась на него вдвойне.

Умылась, переделалась в футболку и старые шорты, выпила воды, стоя у раковины. Посмотрела на свое отражение в зеркале ванной: растрепанная, с остатками туши под глазами, со щеками чуть розовее обычного.

Это потому что было жарко в машине, сказала я себе. В машине не было жарко. Кондиционер работал.

Выключила свет в ванной и пошла в спальню. Кровать была заправлена, подушки на месте – все, как оставила утром. Привычная картина, привычная комната. Легла.

Пять минут. Десять.

Потолок в темноте был абсолютно неинтересным, но я смотрела именно на него, потому что смотреть больше было некуда, а глаза не закрывались нормально. За ними крутилось что-то, что я очень хотела прокрутить и выбросить, чтобы наконец уснуть.

Шрам на скуле.

Не уродующий, а скорее завершающий, я сама так поду-

мала, еще в коридоре штаба, и мысль была правильной, точной, и от этого раздражала сильнее. Точные мысли про чужие лица в половине двенадцатого ночи – это не то, чем полезно заниматься.

Повернулась на бок.

Измайлов смотрел сквозь меня. Не на меня, а именно сквозь, как смотрят на препятствие, которое нужно объехать. Я двадцать два года жила с лицом, которое люди замечали. Это не высокомерие, просто факт, и я давно научилась с ним обращаться и не пользоваться сверх меры, не стесняться без повода.

Но этот человек не заметил ничего, кроме короткого платья, которое в штабе неуместно.

Дочерям генералов не стоит шляться по штабу в коротких платьях.

Сказал и ушел. Не дожидаясь ответа, как будто я была просто задачей, которую он классифицировал и закрыл.

Перевернулась на другой бок.

В машине он не сказал почти ничего. Двенадцать лет. Просто не всегда нужно это комментировать. И еще смотрел на дорогу, словно у него нет ни единой лишней мысли в голове. Ни про меня, ни про что-либо кроме следующего светофора.

Это было оскорбительно, и я себе честно призналась – в темноте, потому что в темноте можно. Не сам полковник Измайлов загадка. А просто люди с такими лицами всегда несут

что-то, что снаружи не видно, и это что-то угадывается, как угадывается глубина реки по тому, как она течет – чем тише, тем глубже.

Отец сказал: профессионал. Двенадцать лет. Больше ничего.

Я знала, что папа не будет рассказывать про своих людей, это не в его правилах, но я редко о ком спрашивала. Но что-то в том, как он произнес фамилию – Измайлов, Ярослав Федорович, было другим.

Не командирским, а каким-то личным. Папа так называл только тех, кому доверял по-настоящему. Таких было немного.

Закрыла глаза снова и запретила себе думать про шрам, про взгляд и про то, как пахло в его машине. Чисто, с едва уловимым оттенком табачного дыма, и почему-то это сочетание было правильным, как будто так и должно быть.

Получилось приблизительно на три минуты. Потом телефон завибрировал на тумбочке. Потянулась, не открывая глаз, нашла его на ощупь. Решила, что это Глаша с какой-нибудь ерундой про то, как она сходила в кино с новым парнем. Открыла глаза, посмотрела на экран.

Неизвестный номер. Нажала на сообщение.

Я скучал по тебе.

Внутри что-то упало.

Не сразу поняла почему. Просто три слова, безобидные сами по себе. Но я знала этот стиль. Узнала мгновенно, как

узнают чужой почерк, не думая, просто знают.

Открыла следующее. Они шли подряд, одно за другим, с разницей в несколько секунд.

Ты думала, я исчез? Я не исчезаю. Я просто жду.

Сегодня ты была в штабе. Синее платье на тебе хорошо смотрелось.

Приподнялась на кровати, и в груди что-то сжалось так резко, что пришлось выдохнуть. Он видел меня сегодня. Он был там или рядом, или где-то, откуда можно было видеть. Я приехала к отцу в восемь вечера, и кто-то это видел.

Следующее сообщение пришло, пока я смотрела в экран.

Скоро мы встретимся, и ты наконец поймешь, кому принадлежишь.

Руки слегка похолодели.

Два месяца тишины. Я решила, что отец разобрался, он говорил, что разберется, что это, скорее всего, чей-то неудачный способ привлечь внимание, что такое бывает.

Я почти поверила, начала забывать, перестала смотреть через плечо на улице.

Папины погоны тебя не спасут.

Это последнее сообщение я перечитала дважды.

Положила телефон экраном вниз на одеяло и просто посидела в темноте, слушая собственное дыхание. Оно было немного быстрее нормального.

Виктор.

Я думала об этом в прошлый раз, когда сообщения только

начались, и отгоняла мысль, потому что не хотела, чтобы это был Виктор. Мы познакомились на третьем курсе, встречались почти год, расстались весной без скандала.

Просто поняли оба, что тянем что-то, что давно стало привычкой, а не чувством. Он не звонил после, не писал лишнего, один раз столкнулись в университете и поговорили нормально, как взрослые люди.

Виктор не мог писать такое. Я знала его достаточно хорошо.

Значит, кто-то другой. Кто-то, кто знает про папины погоны, кто был сегодня достаточно близко, чтобы видеть мое платье.

Потянулась к телефону снова, нашла в контактах папу. Палец завис над вызовом. Было начало первой ночи. Его день рождения только что закончился, он и так работал допоздна, и я видела, как он устал за ужином, видела эти тени под глазами, которые появились за последний год и не уходили.

Позвонить сейчас значило поднять тревогу в час ночи в его день рождения. Убрала палец. Утром. Расскажу утром, это подождет несколько часов, ничего не изменится за несколько часов.

Легла обратно, телефон положила рядом с собой на подушку, экраном вверх. Смотрела в потолок и прислушивалась к квартире, к тому, как работает холодильник на кухне, как где-то за стеной у соседей приглушенно разговаривает

телевизор, как в трубах иногда постукивает вода.

Обычные звуки. Все обычное. Но что-то внутри уже не было обычным.

Два месяца тишины, и я расслабилась. Разрешила себе думать, что все закончилось, что папа решил, что можно не смотреть через плечо.

Я просто жду.

Прижала телефон к груди и уставилась в темноту.

Впервые за долгое время почувствовала себя маленькой. Не в хорошем смысле, когда можно спрятаться за чью-то широкую спину и не думать ни о чем серьезном. В плохом – когда понимаешь, что ты одна в квартире, что дверь заперта, но замок обычный, что за окном улица, и кто-то на этой улице сегодня вечером видел синее платье и знал, что это ты.

За окном шел город своим ночным ходом, равнодушный и привычный. Я не спала еще долго.

Глава 4 Измайлов

Утро началось с боли.

Сразу, как только я сел на кровати, и она не нарастала постепенно, не была фоном. Правый бок прихватило так, что несколько секунд я просто сидел неподвижно, дышал ровно и ждал, пока первая волна схлынет.

Не схлынула, лишь откатила ровно настолько, чтобы можно было встать.

Встал. Оделся. Поехал на службу.

Обезболивающее лежало в ящике стола уже три недели, я его купил после прошлого приступа и все время говорил себе, что сегодня не нужно, само пройдет. Само проходило, но возвращалось.

Воспаление вокруг осколка реагировало на нагрузки, на холод, на перепады давления, реагировало на все, что я не собирался убирать из своей жизни.

В кабинете запил таблетку холодным кофе, поморщился от того, как неприятно было признавать, что без таблетки сегодня не обойдусь.

Работа шла в обычном темпе. Документы, звонки, разбор оперативных сводок с южного направления. Боль сидела тихо, придавленная химией, но не ушла, просто перестала кричать. Я привык не обращать на нее внимания в таком состоянии. Многолетний навык, почти автоматический.

Смоленский вызвал в одиннадцать.

Зашел, закрыл дверь. Генерал стоял у окна, что само по себе было нехорошим признаком. За столом он решал служебные вопросы. У окна думал о личных.

– Садись, – сказал, не оборачиваясь.

Я сел. Подождал.

Он помолчал еще секунд двадцать, потом повернулся. Лицо было ровным, командирским, таким, каким он умел держать его в любой ситуации. Но я знал его двенадцать лет и видел то, что было за этим лицом. Напряжение в скулах. Взгляд чуть тяжелее обычного.

Тревога. Тщательно упакованная, почти невидимая, но она была.

– Сталкер Александры снова написал, – сказал он. – Ночью. Несколько сообщений. Знал, что она была в штабе вчера вечером. Описал, во что она была одета.

Я не ответил сразу. Переварил.

– Значит, он был здесь или рядом.

– Или следил от ее дома. Маршрут известен, она приезжает ко мне нечасто, но регулярно. Два месяца молчал, я решил, что вопрос закрыт, – Смоленский вернулся к столу, сел, сложил руки перед собой. – Оказалось, что нет.

– Служба безопасности?

– Занимаются. Но это не быстро, ты понимаешь. Номер чистый, через несколько цепочек, пока размотают, пройдет время.

Я понял, куда идет разговор, еще до того, как он продолжил. Почувствовал это за секунду, как чувствуешь изменение рельефа под ногами в темноте, прежде чем нога находит ступеньку.

– Мне нужно, чтобы ты взял ее под личный контроль, – сказал Смоленский. – Не формально, не охрана по расписанию. Лично.

– У меня южное направление.

– Я знаю, что у тебя.

– Глеб Александрович, для личной охраны есть люди, которых это не отвлекает от текущих задач. Я могу рекомендовать надежных и опытных людей...

– Ярослав, – Смоленский произнес имя коротко, без повышения голоса, и именно поэтому это прозвучало как конец разговора, а не его продолжение. – Я тебе доверяю больше всех. Не опытным ребятам, не службе безопасности. Тебе. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я понимал.

Он не говорил про профессиональные качества, он говорил про другое. Про то, что Александра его дочь – единственное, что осталось после жены. Про то, что генерал Смоленский, у которого в подчинении тысячи людей, сидит у окна и думает о личном, потому что кто-то ночью написал его ребенку, что папины погоны не спасут.

Я знал это слово – «доверяю» – и знал, чего оно стоит именно от этого человека. Он не говорил его часто.

– Хорошо.

Смоленский один раз коротко кивнул. Больше ничего, ни благодарности, ни объяснений. Не нужно было. Я вышел из кабинета и остановился в коридоре.

Тихая ярость – точнее не назову.

Не на Смоленского, ярость на него была невозможна по определению. На ситуацию. На то, что из всех возможных поручений на ближайшее неопределенное время мне досталось именно *это*.

Генеральская дочь с коротким платьем и взглядом человека, который привык получать ответы на свои вопросы.

Вернулся в кабинет, взял телефон, Смоленский уже выслал номер. Она не ответила. Я не перезванивал, написал коротко: завтра в восемь утра буду у вашего подъезда, жду пять минут.

Служебный лаконизм. Исчерпывающая информация без лишних слов.

День прошел в работе, боль держалась фоном, к вечеру добавилась тупая головная. Стандартный набор для плохих дней, я его знал наизусть. В семь позвонил Марине.

– Заеду через час, – сказал.

– Жду, – ответила она. Без вопросов, без уточнений. Именно за это я ценил общение с ней – она не требовала объяснений и не задавала вопросов, на которые я не собирался отвечать.

У нее была небольшая квартира в десяти минутах от шта-

ба, всегда чистая, всегда с открытой бутылкой хорошего вина на кухне. Марина работала хирургом в военном госпитале. Умная, выдержанная, без иллюзий насчет того, что между нами есть и чего нет. Мы подходили друг другу именно отсутствием ожиданий.

Она открыла дверь, я зашел, и дальше все шло привычно: вино, которое я не стал пить, ее руки, ее голос, темнота в спальне.

И примерно на третьей минуте что-то пошло не так. Не с ней. Она была, как всегда, спокойная, умелая, без претензий. Что-то пошло не так со мной.

Поймал себя на том, что смотрю в потолок, а не на нее. Что думаю не о том, что происходит сейчас, а о том, как генеральская дочка стояла в коридоре штаба. Резкая, уже готовая к атаке, с этими светлыми глазами, в которых было не кокетство, а именно злость.

Аккуратно отодвинул Марину, встал.

– Ярослав? – Марина приподнялась на локте.

– Прости, – уже искал рубашку в темноте. – Не сегодня.

Она не стала спрашивать почему. За это тоже ценил. Оделся, вышел, сел в машину. Сидел несколько секунд, не заводя двигатель, и смотрел на темную улицу перед собой.

Что это было – я знал. И именно это меня злило.

Александра Смоленская была двадцати двух лет от роду, генеральской дочерью с дерзостью в крови и короткими платьями в гардеробе.

Она была новой нежелательной задачей, навязанной обстоятельствами. Она была человеком, которого мне поручили охранять, потому что Смоленский сказал «доверяю», и я не мог ответить «нет».

Больше она не была ничем. Не должна была.

Завел двигатель и поехал домой. Боль в боку сидела тихо, как будто тоже решила не добивать.

Завтра в восемь утра у ее подъезда. Пять минут ожидания. И то, что произошло сегодня вечером у Марины, было случайностью, усталостью, болью, слишком насыщенным днем. Ничем более значимым.

Повторил это себе один раз. Хватило примерно до следующего светофора.

Глава 5 Александра

Утром пришло еще одно сообщение.

Я видел, как ты вчера вечером не могла уснуть. Ночник в спальне горел долго.

Лежала и просто смотрела на эти слова. Он знал, что я не спала. Знал про свет в спальне.

Это значило, что он видит моё окно. Что он стоял снаружи ночью, смотрел на мои окна и ждал, пока у меня погаснет свет. Живой человек, реальный, не абстрактная угроза в телефоне – стоял под моим домом и считал этажи.

Отложила телефон, дала себе минуту и взяла его снова. Следующее сообщение уже было:

Не бойся. Бояться нужно только тех, кто тебя не любит. Я люблю.

Позвонила отцу.

Но не сразу, сначала долго лежала и смотрела в потолок, телефон держала на груди и думала, что ничего страшного, два месяца молчал, значит, может, и сейчас замолчит. Потом перечитала вчерашние сообщения при дневном свете.

При дневном свете они не стали менее страшными. Папа ответил на первом гудке.

– Саша? – в его голосе сразу что-то изменилось, еще до того, как я сказала хоть слово. Он всегда это умел, чувствовал по тому, как я дышала перед первой фразой.

– Он написал снова, – сказала я. – Вчера ночью. Несколько сообщений и сегодня утром. Папа, он знает, в каком окне моя спальня.

Тишина на линии была короткой – секунды три, не больше. Именно столько нужно отцу, чтобы переключиться из режима «день рождения» в режим «генерал».

– Скинь мне скриншоты.

– Уже.

– Из квартиры не выходи сегодня. Никуда. Практика подождет.

– Папа, у меня...

– Александра Глебовна.

Вот и все. Этот голос я знала с детства. Ровный, без повышения, с той плотностью в каждом слове, что возражать становилось физически бессмысленно.

– Хорошо, – сказала.

Он отключился.

Положила телефон на подушку рядом с собой и посмотрела в потолок. За окном было утро. Обычное, летнее, с солнцем на занавесках и звуком чьей-то газонокосилки где-то внизу. Весь мир жил нормальной жизнью.

Я написала Глаше, что не приду на практику, сослалась на плохое самочувствие. Не стала объяснять, и не потому что не доверяла, просто объяснять значило произносить вслух, а произносить вслух я пока не была готова.

Сделала кофе. Выпила. Сделала еще один.

Квартира, в которой я жила три года, с тех пор как поступила, отец настоял на отдельном жилье, не общежитие, нормальное место, сейчас ощущалась иначе. Не как дом, а как периметр. Я поймала себя на том, что проверяю замок на входной двери, хотя только что сама его закрыла.

Попыталась читать – не пошло. Включила ноутбук, открыла конспекты по гражданскому праву, закрыла через двадцать минут. Несколько раз подходила к окну, смотрела вниз на двор. Обычный двор, скамейка, припаркованные машины, женщина с коляской на дорожке.

Никакого неизвестного в темной одежде. Но это ничего не значило, он мог быть где угодно, мог не выходить из машины, мог смотреть в бинокль из соседнего дома.

Задернула занавески. Стало лучше ровно настолько, чтобы снова лечь на диван и уставиться в потолок. Около полудня позвонил отец, коротко, по делу.

– Со службы безопасности занимаются номерами, это займет время. Пока ситуация не прояснится, рядом с тобой будет мой человек.

– Папа, не нужно. Я взрослый человек, я...

– Саша.

– Я согласна, что сообщения неприятные, но охрана – это уже...

– Это не охрана. Это человек, которому я доверяю. Он свяжется сегодня.

– Кто?

Пауза.

– Измайлов.

Я помолчала.

– Тот полковник?

– Да.

– Папа, он...

– Лучший из тех, кого я знаю, – голос у отца был ровным, но в нем было что-то, что я слышала редко – усилие. Он старался говорить спокойно, и именно это старание говорило больше, чем слова. Папа умел быть спокойным. Когда он старался казаться спокойным – значит, ему было страшно.

– Хорошо, – сказала тихо.

Он отключился, я встала с дивана, прошла на кухню, налила воды и выпила стакан стоя. Смотрела в стену перед собой.

Измайлов.

Думала о нем весь вчерашний вечер, хотя запрещала себе это делать, и вся ночь со сталкерскими сообщениями наложилась поверх другого. Поверх короткого молчания в машине, поверх запаха табака и того, как он смотрел на дорогу с таким лицом, будто кроме дороги в мире нет ничего.

Он будет рядом. Каждый день, пока ситуация не разрешится. Я не знала, как с этим жить. Злость и облегчение шли одновременно и мешали друг другу.

В половине четвертого телефон завибрировал. Незвестный номер.

Сердце дало сбой – короткий, острый. Взяла телефон и несколько секунд смотрела на экран, не открывая сообщение. Просто смотрела, как на что-то, от чего неизвестно чего ждать.

Открыла.

Измайлов. Завтра в 8:00 у вашего подъезда. Буду ждать пять минут.

Перечитала дважды.

Потом почувствовала, как что-то внутри отпускает, но не сильно, не полностью, хотя достаточно, чтобы выдохнуть нормально. Просто текст от незнакомого номера, просто сообщение, и ничего страшного за ним не стоит. Всего несколько слов, холодных и деловых.

Но именно эта холодная деловитость сейчас почему-то была правильной.

Ответила: *Хорошо.*

Потом посмотрела на это слово, подумала секунду и отправила.

За окном был день, занавески все еще были задернуты, в квартире стоял приглушенный золотистый свет, как в аквариуме. Я легла обратно на диван, положила телефон на грудь и закрыла глаза.

Думала о том, что завтра в восемь он будет у подъезда. Что это нарушает все мои планы насчет независимости и самостоятельности. Что я взрослый человек, который не нуждается в сопровождении.

Думала о шраме на скуле и о том, как он сказал «не надо». Сказал тихо, без объяснений, и за этим молчанием было что-то такое, до чего мне почему-то хотелось добраться.

Это было неуместно. Я это понимала. Но понимание и то, что происходило внутри, существовали сегодня в параллельных мирах, которые никак не пересекались.

На улице снова заработала чья-то газонокосилка. Обычный звук, обычный день. Пять минут. Он будет ждать пять минут. Я почему-то была уверена: ровно пять, ни секундой больше.

Глава 6 Измайлов

В 8:00 я стоял у подъезда дочери генерала.

В 8:03 три набрал домофон.

Долгая пауза, я насчитал семь секунд, потом восемь.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.